

Емельянова Н.А.

ВЕЩЬ И ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА ГОРОДА

Емельянова, Надежда Андреевна — магистрант кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Россия, Санкт-Петербург, nadin0610@yandex.ru.

В статье представлены результаты междисциплинарного исследования, целью которого было изучение образа города в восприятии петербуржцев и роли предметного мира в формировании структуры этого образа. Методологической базой исследования стали некоторые труды В. Беньямина, культурно-антропологическая концепция нарративизированных пространств и концепция мест памяти П. Нора, позволившие обосновать мысль о том, что вещь (как повод, инициирующий репрезентацию образа, и как воплощение образа, рожденного ассоциациями) предстает в качестве места памяти и является одним из важнейших смыслообразующих элементов субъективного образа города наряду с местом и пространственной тактикой. Эмпирической базой исследования стали транскрипты нарративных интервью и когнитивные карты из личного исследовательского архива автора. На основе их анализа были выявлены способы конструирования образа города, проведена типологизация мест памяти в контексте индивидуальной, семейной и коллективной памяти горожан и определен механизм формирования «разрыва» (в терминологии концепции П. Нора), вызывающего символическую утрату субъектом городского пространства. Автором определено функциональное значение вещи в структуре повествования и в композиции когнитивных карт. Кроме того, в нарративах информантов был выделен ряд сценариев смысловых репрезентаций предметного мира в субъективном образе города, демонстрирующих взаимозависимость мест, пространственных тактик и вещей. В заключение приводится вывод о том, что связь образа города и вещи значительно сложнее его связи с другими смыслообразующими элементами, т.к. именно вещь привносит в образ города ощущение времени. При этом, чем острее у информанта чувство утраты, тем больше вещей он нарративизирует, проявляя таким образом стремление сделать образ утраченного по-беньяминовски видимым.

Ключевые слова: образ города, городское пространство, вещь, нарратив, когнитивная карта, нарративизированные пространства, места памяти, В. Беньямин, П. Нора.

THING AND MEMORY IN STRUCTURE OF CITY'S IMAGE

Emelyanova, Nadezhda Andreevna — Student of Master program at the Department of Museology and Cultural Heritage, Saint Petersburg State Institute of Culture, Russian Federation, Saint-Petersburg, nadin0610@yandex.ru.

The article presents results of the multidisciplinary research the aim of which was to investigate the city's image in perception of St. Petersburg dwellers and the objective world's role in process of structure formation of such image. The theoretical framework of the research is based on several works by W. Benjamin, cultural-anthropological concept of inscribed spaces and on the concept of realms of memory by P. Nora, which provided a possibility to justify the idea that a thing (as a reason for initiating the representation of the image and as the

embodiment of the image born by the associations) is cast in the role of a realm of memory and appears to be one of the most important meaning-making elements of the subjective city's image along with a place and a spatial tactics. Analysis of narrative interviews' transcripts and of mental maps from the author's personal archive highlighted ways of constructing city's image and made it possible to create the typology of realms of memory in connection with individual, family and collective memory of city dwellers. Besides, the formation mechanism of "the sense that memory has been torn" (in terms of P. Nora concept) which result in appearing of a sense of loss of city space was described. Further analysis helped to reveal the functional meaning of a thing for the text structure of the interviews and the mental maps composition. Moreover, in narratives there were revealed several scenarios of objective world's representations semantically significant for the subjective city's image and revealing interdependence of places, spatial tactics and things. Summing up, the author reaches the conclusion that the relationship between the city's image and a thing is much more complicated comparing with its relation to other meaning-making elements since it is a thing that brings a notion of time to the city's image. In this connection the stronger an informants' sense of loss the richer objective world they narrate thus showing a desire to make the image of the lost "visible" in the Benjamin sense.

Key words: city's image, city space, thing, narrative, mental map, inscribed spaces, realms of memory, W. Benjamin, P. Nora

Изучение предметного мира, памяти, образов пространства и их взаимосвязи, вызывавшее значительный интерес в гуманитарных и социальных науках на протяжении XX в., сохраняет свою актуальность по сей день. Данную проблематику исследуют различные научные области (культурологическая, философская, историческая, социологическая, психологическая, антропологическая), однако все чаще она становится предметом междисциплинарного дискурса.

Исследование образа города в восприятии петербуржцев, результаты которого предлагаются для рассмотрения в настоящей статье, также носило междисциплинарный характер. Центральными для автора являлись вопросы о том, как образ города репрезентируется жителями Санкт-Петербурга в контексте их индивидуальной и семейной памяти, какова роль предметного мира в их рассказах о своей жизни в городе, а также каково место и функции вещи в структуре образа города и в процессе его формирования. Исходя из этого, методологической основой исследования стали концепция «мест памяти»¹ французского историка Пьера Нора, культурно-антропологическая концепция нарративизированных пространств², а также труды немецкого философа Вальтера Беньямина³.

Концепция нарративизированных пространств дает возможность описать процесс установления индивидами и группами значимых связей с местностью, которую они населяют. Локализуя в обитаемом пространстве легенды, мифы, свои жизненные истории и т.д., люди превращают это пространство в «свое», в «прожитое» место. Обращение к концепции Нора позволяет определить одно из ключевых понятий для данного исследования: места памяти — «места, на которые складывается память»⁴ субъекта. Местами

¹ *Nora P.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17.

² См.: *Low S.M., Lawrence-Zuniga D.* Locating Culture // *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture.* Ed. by S.M. Low, D. Lawrence-Zuniga. Oxford, 2003. P. 1–47.

³ См.: *Беньямин В.*: 1) Берлинское детство на рубеже веков. М., 2012; 2) Улица с односторонним движением. М., 2012.

⁴ *Nora P.* Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Frankfurt a. M., 1998. S. 11.

памяти могут стать люди, события, литературные произведения, географические объекты и т.п., окруженные «символической аурой»⁵. Важным для понимания мест памяти является понятие «разрыв»⁶, которое связано с утратой объектом, значимым для субъекта, своего первоначального смысла и стремлением этого субъекта «воспроизводить данный смысл после того, как для всех остальных он перестал существовать. Таким образом, разрыв вызывает попытки сохранить и запомнить то, что еще недавно было частью актуального знания, но в большей или меньшей степени подверглось трансформации. Эти попытки приводят к появлению мест памяти»⁷, которые, наряду со значимыми, но еще не связанными с чувством потери объектами, составляют образ города конкретного субъекта.

Пониманию роли предметного мира в формировании и репрезентации образа городского пространства индивида способствуют работы В. Бенямина «Улица с односторонним движением» и «Берлинское детство на рубеже веков». В них сюжеты, представляющие Берлин конца XIX—начала XX в., реконструируют образ города посредством коротких, но ярких описаний мест, предметов, повседневных занятий, публичных мероприятий. В этих «осколках предметного мира»⁸, «картинах, в которых отразилось восприятие большого города ребенком из буржуазной семьи»⁹ Бенямин представляет воспоминания о прошлом города и о своем прошлом в городе через осознание безвозвратного ухода этого прошлого, ставшее для него «шоковым переживанием»¹⁰. Можно утверждать, что в этом аспекте концепция мест памяти Нора наследует идеям Бенямина. Действительно, картины Бенямина суть не что иное, как места памяти Нора, а понимание шока от переживания утраты явно ассоциируется с понятием «разрыв». Однако если Нора не ограничивает расположение мест памяти городским пространством, то у Бенямина город—это своего рода сцена, некое мнемоническое пространство, в котором образы прошлого становятся «на мгновение видимыми»¹¹. Через такую локализацию смыслов и воспоминаний в пространстве города можно провести параллели между идеями Бенямина и концепцией нарративизированных пространств.

В доктрине Бенямина особую роль в создании образов прошлого и образов города играют вещи. Он «опредмечивает» сам процесс припоминания, поиска образов в глубинах памяти, сравнивая его с раскопками, когда «неустанное переворачивание почвы воспоминаний обнаруживает драгоценные руины»¹². При этом «образы, освобожденные от их предыдущих контекстов»¹³, превращаются в археологические находки, ««драгоценные торсы», которые автобиограф выкопал и поставил в галерее своих трезвых раздумий»¹⁴. Так образы, будто бы овеществляясь, и становятся видимыми. Бенямин в своих размышлениях

⁵ Ibid. S. 26

⁶ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 17.

⁷ Опполитова Н.А. Memory studies: коллективная память и образы прошлого // Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики. Сб. статей. СПб., 2013. Вып. 5. С. 40.

⁸ Балаш А.Н. Вещь в контексте культуры // Культурное наследие и музей в XXI веке: учеб. пособие. СПб., 2018. С. 116.

⁹ Бенямин В. Берлинское детство на рубеже веков. С. 9.

¹⁰ Бенямин В. Бодлер. М., 2015. С. 173.

¹¹ Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Бенямина и Осипа Мандельштама. М., 2005. С. 34.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 17.

предлагает «представление идей средствами эмпирии»¹⁵, которое позволяет преодолеть строгое разграничение идеального и материального миров в платоновском понимании. Это представление описывает «превращение мыслью многообразия вещей в единство идеи»¹⁶, когда «идеи относятся к вещам как созвездия к звездам»¹⁷, демонстрируя взаимосвязь объектов материального мира, сохраняя и увековечивая их. Здесь идея становится для вещи своего рода «спасением» от потери и забвения. В то же время вещь используется «для того, чтобы сделать идею видимой (вещь как “представление”»)¹⁸. Значит справедливо будет понимание вещи и как повода, инициирующего репрезентацию образа, и как воплощения образа, рожденного ассоциациями. Применительно к рассматриваемому исследованию можно заключить: во-первых, не только место или пространственная тактика, но и вещь является смыслообразующим элементом образа города, превращающим пространство этого города в «свое» и «прожитое»; во-вторых, вещь предстает в качестве места памяти (в терминологии концепции П. Нора).

Эмпирической базой исследования стали двадцать нарративных интервью с представителями трех поколений шести петербургских семей, а также составленные информантами в ходе интервью когнитивные карты¹⁹. Отбор информантов осуществлялся в соответствии с логикой типологической выборки, а разнообразие возможных случаев обеспечивалось за счет выбора семей с различным социально-профессиональным статусом членов семей и стажем их городского проживания. Анализ материалов осуществлялся в два этапа.

На первом этапе результаты анализа позволили описать способы конструирования образа города: 1) пространственный, когда конструирование образа города осуществляется индивидом от освоения городской территории к присвоению ей различных смыслов и значений, в том числе связанных с личными и семейными воспоминаниями; 2) смысловой — здесь конструирование образа города наоборот происходит от наделения городской территории смыслами и значениями к ее освоению. Кроме того, были определены типы наиболее значимых городских мест, которые нарративизировала большая часть информантов: дом и район проживания, места работы, учебы, проведения досуга, маршруты прогулок, общезначимые и лично значимые символы города, городской транспорт. Также были выделены два уровня мест памяти горожан. Места памяти макроуровня описывают город в исторической ретроспективе и отражают коллективную память петербуржцев, безотносительно к индивидуальной и семейной памяти (название города, ключевые исторические события, знаменитые горожане, символические объекты городской территории, легенды, обычаи, связанные с какими-либо городскими объектами). Места памяти микроуровня же непосредственно связаны с индивидуальной и семейной памятью. Это городские объекты в контексте личной истории горожан (любимые места, покинутые «родовые гнезда» и др.) и повседневные практики горожан (гуляние, спорт, хождение в гости, праздники). Таким образом выявлено, что образ города индивида складывается из мест коллективной памяти горожан, семейных и индивидуальных

¹⁵ Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М., 2002. С. 13.

¹⁶ Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. С. 34.

¹⁷ Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. С. 14.

¹⁸ Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. С. 34.

¹⁹ Подробнее о методе см.: Линч К. Образ города. М., 1982.

мест памяти, а также субъективно значимых объектов городского пространства, которые могут стать в перспективе местами памяти, а могут и не стать. Первыми индивид усваивает места памяти семьи и места коллективной памяти горожан, а остальные составляющие образа города усваиваются им в течение всей жизни. При этом, чем старше индивид, тем больше мест памяти (по сравнению со значимыми объектами, не связанными с чувством утраты) репрезентируется в его образе города. Поэтому для старшего поколения город «потерян» в наибольшей степени. Воспринимая город через призму воспоминаний и идеализируя личное прошлое, представители старшего поколения идеализируют также и образ города времен своей молодости. Это приводит к разрыву, который вызывает «утрату» городского пространства. Образовавшийся таким образом диссонанс способствует возникновению пространственных тактик, направленных на преодоление вызванного им дискомфорта.

Задачей второго этапа анализа стало определение взаимосвязи предметного мира и образа города индивида. Подавляющее большинство информантов (18 из 20) активно нарративизировали вещи. Причем эти наррации являлись следствием произвольного припоминания информантов, не связанного с репликами интервьюера, в то время как места и пространственные тактики вводились в повествование зачастую именно с подачи интервьюера.

Прежде всего было выявлено функциональное значение вещи для самого интервью как для текста. Вещь могла выступать как центральный сюжет нарратива или его части; как иллюстрация к рассказу о месте/человеке/событии/занятии; как опорная точка, помогающая восстановить потерянную нить повествования или перейти к другой теме. При этом данные случаи функционального включения вещи в повествование в разных сочетаниях могли присутствовать в одном нарративе. Необходимо отметить, что на когнитивных картах вещи также встречаются (у 5 информантов из 20). Они изображались или в качестве обозначений городских мест (например: брикет сладкой ваты и игрушки (раскидай и трещотка) как обозначение Ленинградского Зоопарка), или как общеизвестные символы города (например: кораблик Адмиралтейства, решетка Летнего сада).

В результате второго этапа анализа были выделены 9 сценариев репрезентации вещей в нарративах информантов.

1. Вещь—место. Данный сценарий воспроизводит прямую ассоциацию между вещью и объектом городской территории, при этом они могут быть не связаны с чувством потери у информанта, либо его может вызывать только вещь: «Меня в свое время очень поразил Исаакиевский собор—убранством и, между прочим, маятником Фуко. Сейчас его там нет. А ведь это было великолепно! Экскурсовод сначала показывала на модели, почему маятник Фуко доказывает вращение земли. (...). Ставит коробок рядом с маятником и запускает его. И пока она рассказывает минут 5, этот маятник раз—и коробок сбил»²⁰.

2. Вещь—пространственная тактика. Здесь репрезентируется связь между вещью и той или иной пространственной тактикой, например, связанной с гулянием или освоением городской территории: «В основном, мы, школьники, ходили сами по городу. Далеко ходили, на *трамваях* ездили. (...). Зимой *коньки* были. (...). Рядом катков не было, приходилось ездить на трамвае».

3. Вещь—место—сюжет из личной биографии. Сценарий воспроизводит сложный ассоциативный ряд, связанный с припоминанием сюжета из личной биографии, который

²⁰ Здесь и далее по тексту в кавычках приводятся фрагменты интервью, проведенных автором статьи Н.А. Емельяновой (Опполитовой) в 2010 г.

каким-либо образом объединяет объект городской территории и вещь: «Хожу мимо Дома Книги, вспоминаю С. Он мне подарил на свадьбу большой *овощной торт*. Торт — произведение искусства, специально на заказ делал».

4. Вещь — воспоминание о чужом воспоминании из семейной истории. В этом случае вещь репрезентируется как место семейной памяти в воспоминании информанта о рассказах кого-либо из старших родственников о сюжете из семейной истории: «Семья была из семи человек, выжили двое в Блокаде. В ту комнату попала *авиабомба*. Но она не взорвалась, пролетела сквозь перекрытия и свалилась на 2 этаже. До сих пор на *потолке* виден вот этот *след*, как заделали, так и есть. (...) Это уже воспоминания моих родителей».

5. Вещь — воспоминание о чужом воспоминании из истории города. При этом сценарии информант рассказывает о воспоминаниях кого-либо из своих старших родственников о ключевых событиях в истории города, при этом вещь предстает как место семейной памяти, а событие из воспоминания — как место коллективной памяти горожан. Таким местом памяти для петербуржцев являлась, в основном, Блоkada Ленинграда: «Очень интересен был ее [мамин] рассказ о появлении *радио* — *вот этой обычной черной тарелки*. Сейчас ее иногда поминают как что-то совсем забытое. А она говорит, что именно эта тарелка принесла новый элемент в жизнь. Раньше ложились рано спать, потому что делать было нечего. А тут — тарелка появилась. Во время Блокады вот эта тарелка тоже играла большую роль. Электричества, особенно в первую зиму, практически не было, приемники бы работать не могли. Да их все и изъяли, между прочим. А вот эти тарелки были и работали круглые сутки. И даже если передач не было, был этот знаменитый Ленинградский метроном, который показывал, что радио живет, значит и город живет. Были передачи не только информационного характера, но и на какие-то культурные темы, чтобы там народ отвлечь. Такая вот художественно-культурная жизнь, она все-таки поддерживалась, в том числе и в блокадном городе. Вот мама многое мне все это рассказывала, и тетя Л., мамина сестра, потому что это была их жизнь... И несмотря на всю кажущуюся простоту, это очень поддерживало их жизнь».

6. Вещь — городская символика. При воспроизведении этого сценария репрезентируемая вещь либо сама является объектом-символом города, либо эта вещь воспроизводит городскую символику: «Для меня, *решетка Летнего сада, кораблик Адмиралтейства* — символ — то, по чему любой узнает, что это Петербург. Я тут видела в магазине, такая *коробка* красивая — *в виде решетки Летнего сада. В ней — рюмочки. На них Адмиралтейство, Петропавловка, там, Эрмитаж, кораблик Адмиралтейства*».

7. Вещь — образ места памяти. Здесь посредством одной или нескольких вещей репрезентируется образ какого-либо объекта городской территории, ставшего для информанта местом памяти, например, образ покинутого «родового гнезда»: «Когда-то, я помню, у нас Косая [линия В.О.] выходила к заливу, и у многих в нашем доме были *лодки* свои. Были *буера*. Вообще буер — это яхта, которая может ходить по льду, т. е. на коньках. У нас самодельные были (...), и по заливу катались под парусом. Это конец 20-х — начало 30-х гг.».

8. Вещь — образ города прошлого. Данный сценарий отражает репрезентацию информантом образа города своего детства или юности, выраженную при помощи ассоциативного ряда, состоящего из вещей тех лет: «В детстве он [город] был для меня каким-то советским. Когда смотришь *старую кинохронику*, там *машины ГАЗ 66, деревянные трамваи*, вот каким-то таким».

9. Вещь — образ города настоящего. В этом сценарии посредством вещей образ современного города репрезентируется таким, каким информант видит его через призму образа города своего прошлого. Часто вещи здесь подчеркивают негативную оценку «нового» города: «[Город по сравнению с активным периодом жизни информанта] конечно, изменился. Он стал очень нетеплый, центр совершенно чужой. Эти *рекламы, витрины* угнетают».

Таким образом, вещи присутствуют во всех структурных элементах образа города: как на макро- и микроуровнях мест памяти горожан, так и среди значимых для информантов объектов, которые еще не связаны с чувством потери. Следовательно, связь образа города и вещи значительно сложнее, чем связь образа города и других его смыслообразующих элементов — места и пространственной тактики. Это обусловлено тем, что в нарративах вещь репрезентируется не только как самостоятельный элемент образа города (как объект-символ, например), но и активно проникает в повествование о местах и пространственных тактиках горожан, делая их «видимыми». При этом, чем острее у информанта чувство утраты и чем больше, соответственно, в структуре его образа города репрезентируется мест памяти, тем больше вещей он нарративизирует, проявляя таким образом стремление сделать образ утраченного как можно более видимым.

Образ города без вещей выглядит скорее, как трехмерная карта мест и маршрутов передвижения, практически статичная во времени. Так как эти места и маршруты крайне редко физически видоизменяются или исчезают, то и течение времени проследить по ним почти невозможно. Вещи же добавляют в эту карту то самое четвертое измерение, благодаря которому образ города оживает и становится объемным не только в пространстве, но и во времени.

Список литературы

Балаш А.Н. Вещь в контексте культуры // Культурное наследие и музей в XXI веке: учебное пособие. СПб.: СПбГИК, 2018. С. 116–134.

Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Отполитова Н.А. Memory studies: коллективная память и образы прошлого // Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики. Сборник статей. СПб.: Интерсоцис, 2013. Вып. 5. С. 36–42.

Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 224 с.

Low S.M., Lawrence-Zuniga D. Locating Culture // The Anthropology of Space and Place: Locating Culture. Ed. by S.M. Low, D. Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell, 2003. P. 1–47.

Nora P. Zwischen Geschichte und Gedächtnis. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1998. 136 s.

References

Balash, A.N. Veshh' v kontekste kul'tury [A thing in a context of culture], in *Kul'turnoe nasledie i muzej v XXI veke: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: SPbGIK Press, 2018. P. 116–134. (In Rus.)

Lynch, K. *Obraz goroda* [Image of the city]. Moscow: Strojizdat Press, 1982. 328 p. (In Rus.)

Low, S.M., Lawrence-Zuniga, D. Locating Culture, in *The Anthropology of Space and Place: Locating Culture*. Ed. by S.M. Low, D. Lawrence-Zuniga. Oxford: Blackwell, 2003. P. 1–47.

Nora, P. Mezhdru pamjat'ju i istoriej. Problematika mest pamjati [Between history and memory. Places of memory as a problem], in *Francija-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press, 1999. P. 17–50. (In Rus.)

Nora, P. *Zwischen Geschichte und Gedächtnis*. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 1998. 136 s. (In Germ.)

Oppolitova, N.A. Memory studies: kollektivnaja pamjat' i obrazy proshlogo [Memory studies: collective memory and images of the past], in *Social'nye kommunikacii: professional'nye i povsednevnye praktiki. Sbornik statej*. Saint-Petersburg: Intersocis Press, 2013. Vol. 5. P. 36–42. (In Rus.)

Pavlov, E. *Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama*. [Shock of memory. Autobiographical poetics of Walter Benjamin and Osip Mandelstam]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Press, 2005. 224 p. (In Rus.)